

НЕИЗДАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

1. КТО ТАКАЯ
Н. А. ОСТРОВСКАЯ:

Каждый, кто хоть мало-мальски знаком с воспоминаниями о Тургеневе его современников, знает, что с особенным интересом читаются мемуары Н. А. Островской. Однако далеко не все, даже среди специалистов, в состоянии ответить на простейшие вопросы: как ей удалось приобрести такую уйму содержательных и достоверных сведений о писателях и откуда она взяла свою последнюю уж очень «литературную» фамилию? Может быть, это псевдоним? Ведь хорошо известно, что ее девичья фамилия — Татаринова, а замужняя — Грибваская.

Не будем, однако, подражать всяким любителям литературоведческих «загадок», замысловатых историй, «редкостей» и т. п. Вместо переливания из пустого в порожнее, чем обычно и пробаваются эти «первооткрыватели», приведем сразу новонайденный документ, который все ставит на свои места.

«Многоуважаемый Иван Федорович! Честь имею Вас поздравить — я женился и именно: на Наталье Александровне Грибваской, которую Вы, вероятно, видели у Миши вместе с ее первым мужем... Ваш Андрей Островский».

Это не публиковавшееся ранее письмо было адресовано 1 февраля 1878 года младшему брату драматурга известному литератору и актеру И. Ф. Горбунову. Упоминаемый в нем Миша — брат А. Н. Островского, служивший в 1850-е годы в Симбирске, где он и познакомился с будущей женой Андрея.

Жизнь ее с детских лет была весьма щедрой на литературные впечатления. Толчком к работе над воспоминаниями о Тургеневе послужила, очевидно, его смерть и вызванные ею многочисленные отклики русской и зарубежной печати. Во всяком случае уже через год с небольшим, 9 октября 1884 года, второй муж мемуаристки Андрей Островский обратился с предложением в «Исторический вестник» напечатать их.

В названном журнале они, однако, не появились. После первой публикации в газете «Волжский вестник» их перепечатали в «Тургеневском сборнике» за 1915 год и совсем недавно — в двухтомном собрании мемуаров о нашем земляке.

Составители по каким-то непонятным причинам ограничили повторением значительно искаженного и урезанного печатного текста, не сверив его с целеустремленным автографом. Между тем в оригинале этих ценнейших воспоминаний содержится множество серьезных разночтений и даже несколько вообще никогда не публиковавшихся страниц.

Приводим ту из них, где описано чтение Островским, Тургеневым и Гончаровым своих произведений. Кстати, именно с нее и начинаются воспоминания.

2. «СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ» В ЧТЕНИИ АВТОРА

«В первый раз увидела я Тургенева очень давно, в 1860-м году, когда я еще была

К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского

девушкой. Мы с отцом присутствовали на каком-то публичном чтении. При выходе, в коридоре, замечаю я, что кругом меня топчутся, на кого-то смотрят. Отец толкнул меня: «Смотри, вон Тургенев». Я увидела высокого человека, чуть не выше всех в публике, гриву еще темных тогда волос и больше ничего, потому что он был закутан большим черным шарфом. Говорили, что он простужен и оттого не читал на этот раз.

Вскоре после этого поехали мы на другое чтение. Народу была масса: во-1-х, было объявлено, что Гончаров прочтет главу из не напечатанного еще тогда «Обрыва»; во-2-х, Островский приехал из Москвы и участвовал в чтении; наконец, должен был появиться сам Тургенев.

Островский оказался человеком — мастером. Давно всем знакомые сцены из «Своих людей» — сочтемся! — показались новыми, и я до сих пор не забыла, с каким наивным комизмом он произносил слова Липочки: «Что же это со мной сделали! Воспитывали, воспитывали и обанкротились».

Напротив, глава о Беловодовой потеряла в чтении Гончарова. Он читал плохо, монотонно, беспрестанно все пил сахарную воду и так взглядывал на слушателей, точно они ему страшно надоели...

Вот, наконец, вошел Тургенев. Поднялся шум и гам. Чтение его не сделало на меня тогда впечатления. Он читал знакомое из «Записок охотника», конфузился, читал тихо, а мы сидели в дальних рядах. Но зато осталась у меня в памяти его величественная фигура на эстраде и прекрасная голова, склоненная с благодарностью при аплодисментах и стуке стульев и пальками».

В тех же воспоминаниях о Тургеневе приводится занятное признание одной купчихи, относящееся к нему и к А. Н. Островскому: «Хочется мне быть помещицей, помещицы счастливые, их Иван Сергеевич описывает, а нас описывает только Александр Николаевич, и все в насмешку»...

3. А. Н. ОСТРОВСКИЙ И И. Ф. ГОРБУНОВ

Помимо процитированных мемуаров о нашем земляке, Н. А. Островская оставила после себя довольно большое литературное наследие, основную часть которого составляют обширные биографические воспоминания. В них содержится немало интересных и вполне достоверных сведений о Н. А. Добролюбов, дававшим ей домашние уроки по литературе, а также о Тургеневе, Островском и других русских писателях.

Именно оттуда мы извлекаем впервые публикуемые странички об отношениях драматурга с актером Горбуновым и о первом представлении на петербургской сцене «Грозы».

Знакомство будущей мемуаристки с М. Н. Островским, начавшееся в Симбирске, продолжалось и в Петербурге, а затем переросло в родство: живший тогда у Михаила Николаевича его меньший брат

Андрей стал впоследствии ее мужем.

Особенно часто она встречалась с братьями драматурга в декабре 1859 года. «В ту зиму ставилась в первый раз «Гроза» (на сцене Александринского театра). Александр Николаевич Островский приехал в Петербург к первому представлению и остановился у Михаила Николаевича. Им Коля (знакомый родственник мемуаристки, живший тогда у М. Н. Островского) также восхищался: «Вы даже не имеете понятия о таком умном человеке, — говорил он. — Как он (драматург) разговаривает! Острогами так и сыплется. А когда Горбунов еще тут, так просто животики надорвешь. Они вдвоем Михаила Николаевича совсем загочали. Тот, иной раз, не знает, как держаться — смеяться или сердиться».

Рассказывал он (Коля), что Александр Николаевич Горбунова не отпускает от себя, даже на ночь. «Отпусти тебя, — говорит, — ты сбежишь». Ему стелал постель в гостиной, на стульях. Он все-таки нет-нет, да сбежит. На днях у него шубу спрятали, так что он сделал! У Андрея Николаевича гимназическую шинель стащил. Тому в гимназию идти — нет шинели — искали, искали, наконец, догадались, в чем дело.

Двое суток Иван Федорович пропадал. Александр Николаевич все плакался: «Он меня не любит, бросил он меня!» Ведь Александр Николаевич смешной такой бывает. Только вчера садимся мы за завтрак, вдруг звонок — Горбунов входит. Александр Николаевич надулся, будто не видит его. Горбунов подкрался к столу, встал перед ним и говорит: «Будет ли грешнику прощение?». Да такую рожу скорчил, что Александр Николаевич не выдержал, расхохотался».

4. «ГРОЗА» В ПЕТЕРБУРГЕ

«Помню я первое представление «Грозы» (...). В театр поехали — папаша, мамаша, я и Любовь Алексеевна Загорская (...). Театр был битком набит. Не знаю, был ли Самарин, нет ли. Вообще мне было не до публики. Помню, что видела я в партере многих знакомых, что многие приходили к нам в ложу, помню, что говорили: «Почти вся литература здесь».

Но вот поднялся занавес, и я все забыла, кроме сцены; и в антракте я только об одном думала, когда занавес поднимется (...). «Грозой» не я одна восхищалась, весь театр гремел от рукоплесканий.

Молодая актриса, Снеткова, играла Катерину. «Твою Снеткову Александр Николаевич (Островский) учил с голоса, как канарейку», — разочаровывал меня на другой день Коля. Может быть, но канарейка вышла прелестная. Играла она несколько однобоко, она изображала только нежную, мечтательную сторону характера Катерины.

В прошлом году (то есть когда уже писались воспоминания) видела я Стрепетову. Та играла только одну страстную сторону. Вспомнила я Снеткову и подумала: вот бы, соединить бы их обеих в одно, вышла бы Катерина идеальная».

Что особенно прелестно было в Снетковой, это наружность — неправильные черты, но большие, открытые темные глаза, милая улыбка, стройная, легкая фигура и, главное, симпатичность в выражении лица, в звуке голоса, в каждом движении.

Как она была мила в сцене свидания, покрытая белым платком! И как сошла эта сцена свидания! С какой неподдельной удачей играл Горбунов Кудряша!

Хороша была и Левкеева Варварой. Только Борис был плох — не помню, кто его играл. До сих пор слышится мне: «За рекою, за быстрою, мой Ваня гуляет... тебя поджидает...». И сумели они схватить поэтичность сцены, без грубости, без цинизма, так что напрасно разные маменьки восклицали тогда: «В «Грозе» есть место такое неприличное! Право, в русский театр нельзя возить молодых девушек».

Но главный восторг возбуждал Мартынов. Он играл Тихона. У меня до сих пор перед глазами его ничтожная, трусливая фигурка перед матерью, его блудливый вид, как только матери нет. В сцене, где народ спасается от дождя в часовне, он вбежал, прикрывая шляпу носовым платком — не успел он еще слова сказать, а весь театр разразился хохотом. А последние его слова над телом жены: «Тебе хорошо, Катя!..» Он был смешон и, вместе с тем, даже в партере плакали.

Тетушке и мамаше также «Гроза» очень понравилась. Только они были недовольны домашним костюмом Катерины: «Можно ли надеть такую ужасную блузу! — воскликнула тетушка. — С такими рукавами! Точно старая нянька. И так безобразно повязаться платком и платочек еще булавочками подколоть! Это просто имеет подлый вид! Портить такое хорошенькое личико и такую хорошенькую фигуру!» — «Да ведь купчихи так одеваются», — возразила я. «Что же, что они так одеваются, — сказала мамаша. — Вот у французов никогда ни одна актриса не изуродует себя. Они, даже если крестьянок играют, всегда прекрасно одеты». — «А вам хочется русскую купчиху пейзажной нарядить?», — вступился папаша.

Любонька жалела, зачем Катерина утопилась: «Это такое тяжелое впечатление оставляет. Я за то не люблю русский театр, что у них все это так реально. У французов также и смерть, и все — но там обстановка; туалеты, грациозность, декламация умелая; все это заставляет забыть грустную сторону».

После «Грозы» давали водевиль «Маленькие услуги». Актриса Владимировна изображала молодую жену, которая все готовится приносить великие жертвы мужу, а маленькими услугами пренебрегает. Под конец она, конечно, исправилась. «Какая миленькая пьеска!» — восхищалась тетушка. — «Что уж это! — заспорил я. — Такая чепуха и еще после «Грозы»! Просто противно смотреть». — «Не все же драмы. В жизни более обыкновенного, чем драм. А это даже и для

вас нравоучительно (...). И вот Владимировна, как прелестно одета. Совсем другой вид, чем нянькин капот. И какой миленький чепчик, как у Марии Стюарт, не то, что этот ужасный пузырь на голове». Я, преисполненная негодованием, не удостоила даже возразить.

Любаша (горничная) в тот вечер также была в театре и совсем с ума сошла от восторга. Несколько недель спустя она в кухне все представляла Мартынова: «Право, Катя, тебя не поймешь...». Или: «Какой я ни на есть, а все-таки мужичина...».

«Бесчисленное множество раз вызывали автора («Грозы»). Он высывался из директорской ложи, кланялся и скорее прятался. Я видела только широкое лицо и рыжую бороду».

После спектакля брат драматурга Михаил Николаевич сообщил нам, что Александр Николаевич недоволен петербургской постановкой «Грозы» и петербургской публикой: «В Москве актеры его поняли вполне. Да и у московской публики есть тонкое чутье ко всему истинно русскому. А на Петербург он рукой махнул. — «Не знаю, что там, в Москве, — возразил отец, — а на Петербург ему стыдно жаловаться. Чего ему еще? Принимали его прекрасно, играли почти все хорошо, а Мартынов ему на десять процентов прибавил успеху».

Впечатления Н. А. Островской от первого представления «Грозы» в Петербурге, как и подавляющее большинство других ее мемуарных свидетельств о русских писателях, находятся в строгом соответствии с фактами. Она рассказывает лишь о том, что хорошо запомнила, и вместе с тем привносит в это эмоциональное повествование первой зрительницы «Грозы» черты своей незаурядной личности, наделенной способностью не только остро видеть и слышать, но и осмысливать, группировать свои наблюдения в соответствии с их объективным значением.

Три года спустя после этого спектакля к ней пришли однажды уже в Симбирске казанские студенты и предложили поставить на любительской сцене «Грозу» в пользу своих нуждающихся товарищей. Она опешила от неожиданности и лишь спросила:

— С «Грозой» как же мы сладим? И кто же будет играть Катерину?

— Мы думали, вы согласитесь, — ответили студенты...

Наталья Александровна «в ужасе даже руками замалахала». Однако ее юные, демократически настроенные гости, настаивая на своем, говорили, что такую драму по крайней мере не стыдно играть, что «это — вещь капитальная».

И хотя вместо «Грозы» они согласились все-таки разыграть «В чужом пиру похмелье», приведенное свидетельство Н. А. Островской красноречиво говорит об исключительной популярности именно того произведения великого русского драматурга, которое получило наивысшую оценку со стороны революционно-демократической критики.

В. ГРОМОВ.